

18+

Арсений Самойлов

Туманная сущность времени

Сборник

Арсений Самойлов

Туманная сущность времени. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72257962

ISBN 9785006762060

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сборник включает в себя 4 романа и 3 пьесы. Название сборника выбрано не случайно. События в произведениях происходят в прошлом, будущем, а часто в неопределенном времени, смешивающим прошлое и будущее. В сборник входят:— Наш реальный мир — Туман— 2123— Осень в Париже— В мире животных, или Куриный помет— В поисках свободы, или Дважды два четыре — Любовь и отрицание. В новой редакции сборника вырезана цензурой «История одной жизни». Произведения были ранее опубликованы отдельными изданиями.

Содержание

НАШ РЕАЛЬНЫЙ МИР	7
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	28
ГЛАВА 5	35
ГЛАВА 6	42
ГЛАВА 7	48
ГЛАВА 8	52
ГЛАВА 9	56
ГЛАВА 10	64
ЭПИЛОГ	67
ТУМАН	70
1 АПРЕЛЯ	70
6 АПРЕЛЯ	72
15 АПРЕЛЯ	73
8 МАЯ	78
19 МАЯ	80
24 МАЯ	81
1 ИЮНЯ	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Туманная сущность времени Сборник

Арсений Самойлов

Дизайнер обложки Нейросеть "Холст"

© Арсений Самойлов, 2025

© Нейросеть "Холст", дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-6206-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

An impressionistic oil painting of a city skyline, likely New York City, featuring prominent skyscrapers like the Empire State Building. The scene is reflected in water in the foreground. The style is characterized by visible brushstrokes and a muted color palette of blues, greys, and earthy tones.

Арсений Самойлов

Наш реальный мир

НАШ РЕАЛЬНЫЙ МИР

ГЛАВА 1

Был обычный солнечный день. Небоскребы Плей-Сити сверкали в лучах солнца, отдавая золотые блики в стекла и зеркала автомобилей, которые гнали по широким шоссе и ухоженным асфальтированным улочкам центра города, с его кафе и магазинами, расположенными на первых этажах, столиками и афишами, стоящими на чистых широких тротуарах, под исполинами из бетона и стекла, устремленными в небесную даль, уходящими как будто в самый космос. Томас Салливан ехал в такси на работу. Работа продавцом в книжном магазине не была его мечтой, но кто из нас живет так, как мечтает? Скудная жизнь рядового человека – удел абсолютного большинства жителей среднего мегаполиса. Томас любил книги, даже сейчас, по дороге на работу он читал какой-то новый бестселлер, правда после нескольких страниц далее были пустые листы, но так было со всеми книгами в его городе. Да и выбор их был не велик. Каких-то пара десятков вариантов и все. Они чередовались, одна за другой, на бесчисленных полках книжных магазинов, которых было разбросано несколько по всему городу. Чаще всего это были книги, помогающие человеку развить какой-то навык,

например, книги по готовке или по обращению с техникой. Но были и развлекательные, помогающие снять стресс и расслабиться после трудного рабочего дня. Такие книги привлекали Томаса больше всего, хотя и кулинарных книг он не гнушался. Хорошо приготовленное блюдо могло не только заинтересовать девушку и доставить удовольствие тебе своим изысканным вкусом, но и хорошенько подлечить твоё здоровье, если выйдешь плохо одетый в дождь, либо тебя заденет на дороге чья-то машина, а то и шальная пуля, вылетевшая из пистолета очередного бандита, буйствующего в этом, с виду благополучном, но очень беспокойном городе. Такси гнало на большой скорости, прыгая через горки на дороге, обгоняя другие машины. Томас зачитался новой книгой, не следя за тем, куда они едут. Хоть в ней и было всего несколько страниц, листать их снова и снова доставляло какое-то необъяснимое удовольствие, повышая его чувство удовлетворенности жизнью. Вдруг что-то сверкнуло. Неожиданно, перед их глазами, прямо поперек улицы, да и будто бы всего города, встала размытая полупрозрачная голубая стена, отделяя их часть города от той части, куда они направлялись. Таксист мчал дальше ничего не замечая.

– Какое сегодня число? – резко подорвался Томас.

– 15, сэр, – ответил с иностранным акцентом небритый таксист.

– Тормози! – закричал Томас. – Тормози, бот проклятый! Обновление!

Таксист послушался и резко дал по тормозам, но было уже поздно. Машина стала тормозить, издавая клубы дыма под колесами, сворачивая на бок, поперек дороги, но все же влетела в голубую полупрозрачную стену. За стеной продолжался город, но все было как бы размыто. Машина влетела в фонарный столб и остановилась. Томас вылез из автомобиля и огляделся. Колеблющиеся волны пробегали по зданиям и тротуарам, меняя их, добавляя новые цвета, большую четкость линий, красивые блики. Такого Томас еще не видел. Конечно, это было далеко не первое обновление в его жизни, но каждый раз результат его ты видишь впервые. Человек, который никогда раньше не видел более четкую графику, те цвета, о которых он и понятия не имел, переливы бликов и лучей, которые ты видишь первый раз в жизни – для него открывается новый удивительный мир, который сводит его с ума, он пребывает в шоке от впервые увиденных красок и четкости, которые не мог себе вообразить, ведь никогда их не видел ранее. Каждый раз, живя в своей реальности, ты думаешь, что то, что ты видишь вокруг себя – это эталон графики. Ты сравниваешь графику в мини-играх, в которые играешь на автоматах в зале или на своем смартфоне, с графикой в реальности и понимаешь, что вот это и есть тот реальный мир, который невозможно достичь в мини-играх. Но с каждым обновлением ты видишь, что тот мир, который ты считал эталоном – суть мини-игра с убогими цветами, по сравнению с тем, что может быть еще. Трудно себе

вообразить в какой же графике живут создатели их мира, как она отличается от изображения их реальности. Раньше люди в их мире не знали, что они живут в компьютерной игре, они считали свой мир физическим, не виртуальным. Создатели проводили обновления тайно от них, держали в секрете виртуальность их мира и никто не замечал ничего подозрительного, так как стоит поверить в реальность всего вокруг – тебя уже ничто не сможет убедить в обратном. Человеческий мозг готов закрыть глаза на миллионы несоответствий и свидетельств того, что мир нереален, лишь бы действительность соответствовала его внутреннему убеждению, дарующему спокойствие от всезнания. Людям очень сложно признать, что они чего-то не знают. Они предпочитают выдумать любую неподтвержденную теорию, лишь бы объяснить себе как что устроено. Вначале они придумали богов, потом одного бога, потом они придумали физические теории о Большом Взрыве, закрывая глаза на опыты с эффектом наблюдателя за фотонами, так как они не вписывались в их представления о современной физике. Человеку проще сказать: «Я знаю, что все было так, как я придумал, хоть этому и нет доказательств», чем просто сказать: «Я не знаю». Со временем ученые открыли неопровержимые доказательства виртуальности этого мира. С тех пор разработчики перестали скрывать то, что мы все виртуальны и созданы ими чтобы жить в игре.

Томас огляделся. Как он мог забыть? Месяц назад разра-

ботчики высылали уведомление об обновлении в этом районе. Таксист, конечно же, ничего знать не мог. Это был тот тип бота (то есть персонажа в игре, управляемого искусственным интеллектом), который не может знать такие детали, он даже никогда не покидает свою машину. Его дело просто развозить людей туда-сюда. Конечно же, сам Томас тоже был ботом, как и все постоянные жители Плей-Сити, но бот боту рознь. Ботами в их городе называли самых мало проработанных персонажей, которые не имели никакой свободы воли и выполняли механические функции. Свобода воли нужна была многим жителям Плей-Сити для создания иллюзии реальности живого мира вокруг. Чтобы игрок, когда попадает в город, видел его живым, будто настоящим, нелинейным. Томас был одним из ботов, которые, как считалось, обладали свободой воли. Каждое новое обновление расширяло возможности персонажей и приносило в игру новые детали и краски. Обновление работало вокруг Томаса и меняло программный код всего вокруг. Он там находиться не должен был, так что надо было выбирать, чтобы не цепануть какую-то ошибку, которая может привести к непредвиденным последствиям. Томас взял свой рюкзак и поспешил к стене. Он подошел к ней, продел руку сквозь нее, рука шла туго, как через желе. Потом ногу, голову и наконец выбрался по ту сторону стены, где обновление еще не происходило. Похоже, на работу он сегодня опоздает. Надо где-то скоротать пару часов, пока обновление не завершится. То-

мас посмотрел на смартфон, его показатель жизни немного упал от столкновения с фонарным столбом. Надо бы пойти и подлечиться в ближайшем кафе. Он шел по красивым урбанистическим улицам центра Плей-Сити и смотрел на карту в смартфоне, выбрав маршрут до ближайшей закусочной. В небе виднелись синие стрелочки, указывающие выбранный маршрут. В закусочной Томас взял большой сэндвич, колу и пошел в ближайший парк. Устроившись с книгой и провиантом на лавочке, поглощая сэндвич и глядя на то, как растет его здоровье, он стал расслабляться, то ли от книги, повышающей уровень его развлечения, то ли от лучей весеннего теплого солнца, то ли от пения птиц. У прудика какая-то девушка с длинными светлыми волосами кормила хлебом уток. Лица ее он не видел, видел лишь то, что фигура ее была стройна и изящна, стильное элегантное пальто... Пришло уведомление: «Обновление завершено». Можно было идти на работу, от сэндвича остался всего кусок хлеба. Томас подошел к пруду и предложил хлеб уткам. Девушка была рядом и повернулась к нему. Загадочно улыбнувшись, она опять отвернулась и стала кормить уток с рук.

– О, они едят прямо с рук? – восхитился Томас, присел рядом и тоже протянул уткам кусок хлеба, который они с удовольствием взяли, приятно прикусывая руку своими твердыми, как кость, но совсем не острыми клювиками.

– Не у всех, – улыбнулась девушка. – Птицы чувствуют кого бояться.

– Да, меня бояться не стоит. Я только что проглотил огромный сэндвич и утка в меня бы еще не влезла.

Девушка рассмеялась.

– Я Энни, – протянула она руку.

– Томас, – протянул руку он в ответ.

Томасу нужно было идти на работу, но девушка показала ему особенной. От нее исходил какой-то особый шарм, ум во взгляде, лицо ее было красиво и точно своими формами, не такое, как у большинства штампованных персонажей, похожих один на другого.

– Знаете, мне нужно идти, – сказал Томас, немного смущаясь. – Но я бы очень хотел как-нибудь еще покормить с вами уток или других животных. Добавим друг друга в контакты?

Девушка согласилась и они добавили свои id в список контактов на смартфонах.

ГЛАВА 2

Придя на работу Томас занялся своими обычными делами – ходил между полок, расставлял книги, которые выбросили из своих рюкзаков другие персонажи, помогал с выбором книг. Работа была монотонная, но впервые Томас почувствовал скуку. Обычно он, как и все жители Плей-Сити, просто выполнял свои обязанности, как бы отключаясь на время и автоматически делая, что должен. Большинство людей всегда были такими. Они могли выполнять нудную работу день за днем, всю свою жизнь, были счастливы и не пытались получить что-то большее. Конечно, история говорит, что были и отщепенцы, маргиналы, которые не мыслили для себя такую жизнь. Коллективные боты их всегда порицали, записывали в изгоев, бездарей и тунеядцев. Некоторые из таких маргиналов действительно совершали преступления, лишь бы не работать, но разве не тоже самое делают игроки, пришедшие в наш город, чтобы поиграть и хорошо провести время? Разве кто-то из игроков, из людей мира разработчиков, работает в магазине или кафе? Кто-то из них водит такси? Нет, этот город создан для них. Они гоняют на машинах, грабят банки, стреляют на улице. До того, как люди нашей реальности узнали, что живут в игре, такие игроки были завуалированы. Они становились известными преступниками, миллионерами, правителями, полководцами...

Но теперь это было необязательно. Теперь многие из них могли просто колесить по городу, устраивая аварии и перестрелки друг с другом. Если по ходу умрет кто-то из ботов — не страшно, его просто заменят на идентичного.

Впервые заскучав и устав от монотонной работы, Томас решил полистать книги. Во время рабочего дня так никто не делал, хоть это и не запрещалось. Вообще, Томас не мог вспомнить ни одного четкого запрета в жизни, люди просто делали или не делали какие-то вещи, потому что так надо, как по сценарию. Раз это было не запрещено, а работа Томасу наскучила, он взял с полки книгу и начал ее листать. Уровень развлечения на смартфоне пополз вверх, но Томас почему-то ничего не ощутил. Он пролистнул несколько страниц, несколько пустых листов, но чувство скуки не прошло. Странно. Он положил книгу обратно на полку и приступил к работе. Однако, мысли его были далеко. Почему все книги почти что пустые? Почему разработчики не напишут полную, настоящую книгу? Как было бы интересно прочитать полную историю с началом и концом...

Был вечер. По дороге домой с работы Томас заехал в продуктовый магазин и теперь шел пешком в сторону дома с пакетами продуктов в руках. Кто не проработанный бот, а кто персонаж, контактирующий и общающийся с игроками, можно было определить по многим мелочам. Большинство людей на улице не несли никаких пакетов и сумок. Люди прошлого, не зная, что они виртуальны, могли тоже это

замечать, но отказывались, закрывая глаза на очевидные вещи. Конечно, та или иная сумка, как аксессуар, была частью почти всех ботов, но боты никогда не несли тяжелые пакеты с продуктами домой. Напитки, мясо, снеки, туалетная бумага – все это занимает много места и веса. Но это необходимо, если ты будешь готовить, есть и пить. Тоже самое с мусорными пакетами. Мусор занимает не меньше места и только проработанные персонажи носили большие мусорные мешки на помойку. Большинство людей создавали лишь иллюзию жизни. Они приходили в магазин, совершали мелкие покупки и уходили даже без них. Шли по улице домой, где просто растворялись в дверях, либо стояли неподвижно в квартире до утра. У них не было ни покупок, ни мусора, ни жизни. Были времена, когда и все люди были такими ботами, даже не понимая, что они не живут. Думая, что приходя домой они едят и смотрят телевизор, общаются и размножаются, любят и страдают, но все это было ложными воспоминаниями. На самом деле они просто стояли в дверях пустых квартир и ждали своего выхода на сцену. Во время Томаса таких людей все еще было большинство. Как и большинство квартир в домах были пустыми. Людям прошлого достаточно было бы посмотреть вечером на жилые дома и увидеть, что большинство окон не горит. Иногда Томас брал бинокль и смотрел в окна квартир, в которых горел свет. Это были пустые комнаты, наполненные светом. Лишь в некоторых были люди, которые совершали неинтересные однотипные

действия, совершенно автоматические. Большинство комнат все же были абсолютно пусты. А большинство окон темны. В принципе, у Томаса не было друзей. Все его социальные связи ограничивались контактами с коллегами. В его магазине он был единственный проработанный персонаж, отвечающий за общение с игроками. Но были и другие, такие как он, в соседних лавках. Иногда они о чем-то общались, но сложно завести друзей в мире наполненном ботами. Да и о чем было говорить в их время, когда всем было известно, что их история – вымысел. Что они помнят свое детство, которого не было. Что все события их мира – зарождение жизни, динозавры, древние империи, мировые войны – все это история, прописанная для их мира разработчиками и всего этого никогда не существовало? Был лишь Плей-Сити, такой как сейчас, пусть и другой. С худшей графикой, с не проработанными линейными ботами, с меньшим количеством игровых возможностей, но все тот же. И больше ничего. Что за его пределами? Почему он никогда не пытался покинуть этот город? Что ему мешало? Томас и сам этого не знал. Это не вписывалось в сценарий его жизни. У него были дела, своя жизнь. Он хотел бы дойти до края города, но зачем? И где взять время? Может когда-то... Но не сегодня и не завтра. Это было бы странное поведение, что-то тягучее, какая-то сила, типа лени или нежелания совершать абсурдные лишние поступки тянула его назад и не давала совершить это, как если бы все его силы разом иссякли. Взять и сорваться,

уехать из города, когда ему нечего делать за его пределами, совершить длительную поездку, которую делать ему совершенно не хочется, хоть и интересно посмотреть на результаты...

Томас подошел к своему высокому многоквартирному дому, находящемуся рядом с центром города. Окна дома были почти что все погашены. В его окне горел свет. Он поднялся по лестнице, с трудом поднял руку с тяжелым пакетом к дверному звонку и нажал на кнопку. За дверью послышались шаги и дверь открыла его жена.

ГЛАВА 3

С женой они были вместе давно. Сколько он себя помнил. Оба темноволосые, оба с зелеными глазами, как бы сделанные друг для друга парой. Он звал ее Милли. Милли была милой девушкой. Они понимали друг друга, подходили друг другу. Смотрели вместе фильмы, шутили, смеялись, размышляли о виртуальности их мира и он всегда ее очень любил. Она тоже любила читать книги, хоть и немного иные. Всегда развивающие в ней навык, нужный ее работе. Работала она парикмахером и чтобы получать больше плейлионов (местная валюта) нужно было иметь выше навык работы. Поэтому она читала раз за разом книгу по парикмахерскому искусству, а шкала ее навыка на смартфоне непрерывно росла, повышая то и дело их доход. Повышать навык продавца книжного в их игре было невозможно, поэтому Томас часто читал художественную классику их реальности и повышал навыки в готовке и механике, что требовалось в быту. Они проводили вместе слишком много времени, ведь с кем было еще его проводить? Отчасти, это явилось причиной того, что говорить становилось мало о чем. Сидя в парке или на диване Томас читал свое, Милли свое. Они любили друг друга, но жизнь, проведенная вместе, откладывает свой отпечаток. Впрочем, их это устраивало. До некоторых пор. Последние дни, после попадания в обновление, Томас стал испытывать

скуку на работе, но и монотонность повседневной жизни перестала быть для него отдохновением. Он не понимал в чем причина, так как все шкалы его потребностей были заполнены, уровень отдыха и развлечений был на высоте, он просто не мог испытывать никакую неудовлетворенность. Это было физически невозможно. По крайней мере, учитывая то, что в их мире все еще называли старомодным словом «физика» или «материя», хотя всем давно было известно, что нет никакой физики и материи в их реальности, только лишь в реальном мире их создателей. Как интересно люди прошлого придумали богов, даже не понимая, что переход к идее единого бога был поворотом не туда. Они не могли знать, что это не всемогущие боги, а лишь программисты из другой реальности, что наш мир не создавался физически, но они подозревали нечто близкое, обожествляя то, чего не стоило обожествлять. Как не стоило обожествлять грозу или солнце. У разработчиков нет никаких заветов, правил для нас. Есть лишь наше запрограммированное поведение, которому мы следуем. Нет жизни после смерти, нет морали, требования поклонения. Смешно, когда изделие начинает поклоняться своему создателю, который изобрел его для выполнения каких-то нужных ему самому практических функций. Изделия изобретаются для определенных целей, а не из любви. Если о них заботятся, то не из доброты, а чтобы твоя вещь не сломалась и продолжала приносить тебе пользу. Глупое романтически-преданное отношение человека к создателю, как со-

баки к своему хозяину. Были бы люди кошками... Но такие боты никому не нужны, кто их создаст? Привнесение хаоса в игру не тоже самое, что видимая нелинейность, прописанная по сценарию. Ведь и разработчики, прописывая историю их мира, дали им этот ключ. Взять любую известную им религию. Научные несоответствия с археологическими раскопками, жестокость нравов и законов богов, жестокость самих богов. В великих религиозных книгах зашифровано послание, что люди должны выполнять определенные функции, которые требуют от них боги, пусть даже они и лишены смысла, как большинство обрядов. Но также зашифровано и отсутствие любви создателей. Бог есть любовь? Тогда почему он совершает такие жестокости в своих книгах? Эти мысли стали появляться у Томаса лишь последние несколько дней. Почему он раньше не думал об этом?

Списавшись с Энни, Томас назначил дружескую встречу в том же парке.

Она была все так же прекрасна, лучезарная улыбка, озарившая его с первых секунд, светилась, как и ее блестящие умные глаза, смотрящие на него широкими черными зрачками, обрамленными голубой оболочкой. Они сели на бетонный край пруда, кормя уток и разговаривая про свою жизнь. Она узнала, что он женат и взгляд ее на мгновение потух, его скучная работа почему-то интересовала ее, будто бы с какой-то исследовательской точки зрения, как палеонтолога интересуют древние останки динозавров. На вопросы о сво-

ей работе она отвечала уклончиво, в общих чертах она работала за компьютером с какими-то программами. Они много говорили об устройстве их мира и она выдавала идеи, похожие на его, но более глубокие, интересные.

– Люди не понимают, что живут по скрипту, – говорила она. – Вот мы с тобой думаем, что у нас есть свобода воли. Но разве мы свободны? Ты ходишь на работу, которая тебе не нравится, каждый день. Разве свободный человек будет ходить на работу, которая ему не нравится? Разве в этом заключается твоя свободная воля?

– Энни, – отвечал Томас, – но разве мы всегда делаем то, что хотим? Часто мы делаем то, что должны. Ведь мне надо на что-то жить, где-то брать плеилионы...

– Но является ли это свободой? Свобода ли это – делать то, что ты должен? Ведь если ты что-то должен, то напрашивается очевидный вывод, что ты должен это кому-то. Если ты что-то кому-то должен, то ты уже не свободен.

– Может свободы, абсолютной свободы, просто не существует? – рассуждал Томас в ответ. – Я должен работать. Кому должен? Возможно, человеческому обществу.

– А что это общество сделало для тебя? – резонно замечала Энни. – Ты просил у него что-то в долг? Ты помнишь момент когда ты брал в долг? И ты не думал о том, что такое наше общество? Не просто ли это наша игра? Наша игра существует не для тебя или меня. Она существует для игроков. Значит кому ты оказываешься должен? Игрокам за-

платившим за игру? То есть нашим создателям – разработчикам игры. Ты должен им. Должен выполнять свои функции их машины. Ты можешь не пойти на работу, но тогда у тебя не будет еды. Можешь ли ты действительно не пойти? Можешь ли жить так, как хочешь? Разве это отличается от рабства? Раб тоже может теоретически перестать пахать на плантации, убежать с нее. Но к чему это приведет? Скорее всего, к его кончине, как и в твоём случае. И в моем.

– Как я и говорил, Энни, в таком случае, свободы просто нет. Мы живем не в утопии. Идеальный мир невозможен.

– Как и графика лучше, чем та, что мы видим сейчас... – сказала Энни задумчиво.

– Что ты имеешь ввиду? Думаешь когда-то будет иначе?

– Думаю... – сказала Энни – Что наш мир не единственный. И что в мире создателей все может быть устроено совсем иначе. Что свобода может существовать. Только не для нас.

Энни встала у края пруда, на котором они сидели, свесив ноги в воду.

– Прыгни в пруд, – вдруг сказала она.

– Чего? – недоуменно посмотрел на нее Томас.

– Прыгни в пруд, намочи свою одежду. Сделай то, что не должен был бы делать по сценарию, нарушь скрипт и ты увидишь, что потухшие окна и отсутствие пакетов, все то, что ты видишь в поведении ботов, все то, что, как ты считаешь, отличает тебя от них – это вершина айсберга. Что ты

не так и отличаешься от них. Ты думаешь, что ты обладаешь свободой воли, как любой человек считает себя разумным, в отличие от животных. Но ты не сильно отличаешься от них. Узри, что ты такой же бот, что ты лишь на малую часть превзошел их. Узри то, что узрел бы человек, повстречавший инопланетный разум, для которого он отличается от собаки не более, чем для него собака отличается от хомяка. Уйми свою мегаломанию, человек. Разум эфемерен. Свобода воли эфемерна. Узри смирение. Пойми, что разума нет – есть только интеллект выше или ниже. Нет принципиальной разницы между тобой и собакой, как и между собакой и мышью. Есть лишь выше и ниже интеллект. Есть лишь больше и меньше свободы воли. Нет тех, у кого она есть и тех, у кого ее нет!

Энни выглядела божественно и величественно в своей грозной и торжественной речи. Она была прекрасна и мила. И Томас рассмеялся. Ради нее он был готов на все в эту минуту.

– Смотри! – крикнул он со смехом и вызовом, прыгая в пруд. Вода была холодная, утки расступились, одежда намокла и стала тяжелой. Томас схватился за край бетонной набережной и попытался вылезти. Руки скользили, но нежная тонкая ручка, неожиданно сильная, взяла его за кисть и вытащила на берег. Стало холодно. Энни обняла его, накрыв своим пальто. Тепло ее тела не спасало от холода, но это было приятнее тысячи печек, которые могли бы его

согреть. Она смотрела восторженно ему в глаза.

– Ты смог. Ты не такой, как другие. Теперь ты поймешь, – сказала Энни и поцеловала его в губы.

Они зашли в ближайшее кафе чтобы согреться. Оно было пусто, но как только они вошли, люди стали прибывать и занимать столики. Томас был абсолютно мокрый, по ногам и рукам стекали струи воды. Кафе всегда были приятны тем, что там работали проработанные персонажи, такие как Томас, которые должны были коммуницировать с игроками. Они подошли к стойке и попросили 2 горячих шоколада. Бариста за стойкой приняла заказ, ни капли не удивившись мокрой одежде Томаса. Они сели за столик у окна, с Томаса все еще стекала вода.

– Какой тактичный персонал, – улыбнулся Томас. – Я думал нас вообще не пустят в таком виде.

– А ты смотри дальше, – загадочно сверкнула глазами Энни.

Официант подошел с подносом, на котором стояли 2 кружки вкуснейшего горячего шоколада.

– Мадам, – обратилась к мужчине-официанту Энни. – Вы не против того, что с моего спутника стекает вода и пачкает ваши полы?

Томас сидел в недоумении. Официант любезно повернулся к Энни, расставляя чашки на столе.

– Все в порядке мэм? – отвечал он. – У вас есть какая-то жалоба?

– У меня нет жалоб. Просто, только что мой молодой человек искупался в городском пруду, желая поплавать с утками, и теперь вода с его одежды пачкает ваш пол. Может нам стоит уйти или заплатить вам за уборку? Какие у вас есть распоряжения на такой случай, юная леди? Гав-гав – Томас подумал, что ослышался, но Энни действительно несколько раз издала собачий лай.

– Если у вас есть замечания или жалобы, мем, я могу позвать менеджера, – отвечал официант, совершенно невозмутимо.

– Да, пожалуйста, – ответила Энни.

Через минуту подошел менеджер, мужчина средних лет, Энни продолжала.

– Как видите, моя жена, сидящая напротив меня, искупалась в пруду, мадам. И теперь ваш пол мокрый. Можем мы заплатить за уборку, мадам? Гав-гав.

Менеджер абсолютно невозмутимо улыбался.

– Прошу прощения за доставленные неудобства, горячий шоколад за счет заведения, мем.

– О, большое спасибо, мадам менеджер, позвольте я буду пить его со стола? – ответила Энни, вылив напиток на стол и начала высасывать его с белоснежной скатерти своими губами.

– Сейчас я позову официанта и он все уберет – ответил менеджер и скрылся. Тут же подошел официант и, как ни в чем ни бывало, стал протирать стол.

– Что это было? – спросил Томас, все это время изумленно наблюдавший за происходящим.

– Только что ты мог наблюдать за поведением ботов... Ах прости, проработанных персонажей, как ты... и я, – ответила Энни. – В их скрипте не было прописано реакций на такие абсурдные действия. Они вели себя так, как было бы максимально адекватно вести себя в похожей ситуации. В такой, которая была бы возможна и максимально походила бы на то, что они видели. Готова поспорить, что сегодня они придут домой к своим женам и даже не вспомнят, что сегодня было что-то странное. В их сознании была ситуация с двумя клиентами, которые были недовольны чистотой кафе, им предложили напитки за счет заведения, а потом клиентка пролила, совершенно случайно, напиток на стол. Всего-то лишь.

– Удивительно! – воскликнул Томас. – Но почему мы с тобой видели и понимали все, что происходило? Ведь мы такие же боты, как они!

– Вот тут и есть самое странное, – задумчиво отвечала Энни. – Когда ты совершаешь абсурдные действия, ты ломаешь систему. Ты начинаешь видеть то, что не видят другие. Ты как бы становишься над ними, перестаешь следовать определенному сценарию, прописанному для тебя ими... называй это как хочешь – общество, разработчики – суть одна. Общественные правила и есть скрипт, прописанный разработчиками для нас.

ГЛАВА 4

Ночью Томас плохо спал. Он лежал на боку, обнимая рукой и ногой любимую Милли, такую теплую и родную. Ее запах был приятен и знаком, ее тело, прижимавшееся к нему, давало спокойствие и уверенность в настоящем. Но Томас не мог выкинуть из головы события прошедшего дня. Почему он должен делать то, что не хочет? Не выполняет ли он чисто машинные функции, нужные не ему, а кому-то другому? Обществу, разработчикам... как раб выполняет работу для своих угнетателей, не имея с этого никакой выгоды, лишь позволение от них существовать. Нужно ли такое существование? В чем его смысл? Существовать ради того чтобы существовать? Сомнительная польза. А что дальше? Существоешь, принося выгоду своим хозяевам в лице общества, государства, создателей, а потом... Потом вечное ничто и кто-то идентичный, полностью замещающий тебя в этой вечной машине извлечения выгоды для кого-то там... этот клон продолжает твоё дело. Не все ли люди клоны друг друга? Часто мы можем плохо различать внешние отличия представителей других рас. Смогли бы отличить нас внешне пришельцы с другой планеты? Может нам лишь кажется, что мы разные? Может это иллюзия, отличие друг друга в деталях, как смартфоны считывают штрих или QR код, отличающийся лишь ими? А наши личности? Разве не такие же это

штрих коды, одинаковые, отличные лишь в мельчайших деталях, которые могут считать только наши внутренние сканеры, для которых эти детали и были созданы? На протяжении своей жизни Томас имел несколько крыс, в качестве домашних питомцев. Внешне он мог отличить их, когда это были его, знакомые ему крысы. Характер у них тоже был немного разный. Всегда находилась наглая толстая крыса доминант и более худая пассивная крыса, которая была нежнее и ниже в иерархии. Но они были так похожи... Все повадки, внешность... Крыс было крайне сложно отличить, особенно, если это не твои питомцы. И каждая толстая крыса доминант, как и каждая худая скромная крыса были абсолютно идентичны одна другой. Как будто существовало несколько вариаций, внешних и внутренних, для крыс и это все, чем заморочились их разработчики. Наверняка, сами крысы так не думали. В том понимании, в каком могут в принципе думать крысы. Сейчас Томас смотрел так же и на людей. Незначительные внешние и внутренние отличия, схожие повадки, мотивы, желания и вкусы. Наличие ограниченного количества вариаций этих изменений. Один тип ищет себе в пару схожий тип. Две половинки одного целого – древнегреческий миф про человека, разделенного пополам, две половинки которого бродят по миру, ища друг друга. Мы те же крысы. Для нас, конечно, различия более очевидны и многогранны. Мы так думаем. В том понимании, в каком могут в принципе думать люди.

Томас и Энни встретились в библиотеке. Это было огромное здание, с высоченными полками книг, уходящими в высокий купольный потолок. Полки были заставлены одними и теми же полупустыми фолиантами, в красивых обложках, декорированных под старину.

– Как ты думаешь, каков мир создателей? – спрашивал Томас, сидя за столом вместе с Энни и листая какую-то новую книгу, только что загруженную обновлением.

– Думаю, он мало отличается от нашего. Ведь каждый мир создает игру похожую на свою реальность, – отвечала Энни.

– Хочешь сказать, что существуют и другие миры, не только наш и разработчиков?

– Я это знаю наверняка, – отвечала Энни. – Каждый мир создает свои игры, думаешь наша игра единственная?

– Я не думал об этом, – задумался Томас. – Логично предположить, что нет. Но каков тот мир, настоящий? Наверное, люди там такие реальные... такие разные. Если мы проработаны так убого, нас так мало разновидностей, мы так ограничены и похожи, то, наверное, в том... ином мире... настоящем мире... там настоящие люди и каждый представляет собой подлинную индивидуальность. Каждый по истине свободен.

– О, милый наивный Томас, – Энни потрепала его за щеку и нежно поцеловала. – Разве ты не видишь пошлость Вселенной? Не только нашей, но и их. Любой, полной общей Вселенной, вмещающей в себя все миры и реальности? Посмот-

ри на то, как ведут себя игроки в нашем мире. Они гоняют на машинах на перегонки, стреляют и убивают. Они ведут себя одинаково. Разве есть между ними принципиальная разница? Разве их стремление победить в гонке не есть та самая мегаломания и эгоцентризм, желающий доказать свое бессмысленное деструктивное превосходство? Разве их разрушительные мотивы не говорят о том, что создатели не равно созидатели? Что они такие же разрушители. Что ими так же как и нами руководит тяга к насилию и доминированию?

– Возможно, такое бессмысленное насилие есть продукт абсолютной свободы? Ведь уж они то же свободны? В том числе, свободны делать все, что захотят? То есть и разрушить, убить... – возражал Томас.

– А ты не думал о том, для чего существует наша игра? – спрашивала Энни. – Ведь игроки платят деньги за то, чтобы в нее играть, не правда ли? Если у них есть деньги, то у них есть и обязанности, чтобы эти деньги заработать. Значит они так же несвободны, как и мы. Им тоже приходится делать то, что они не хотят для того чтобы получить деньги, которые они потратят, например, на то, чтобы войти в наш мир, где они смогут некоторое время побыть богами и делать то, что им хочется.

– Пожалуй, что так, – соглашался Томас. – Получается нет мира, в котором люди свободны и индивидуальны? Наш мир, как и мы сами, создан по образу и подобию создателей? И другие миры они тоже создали такими же?

– У меня нет ответа на этот вопрос, – отвечала Энни. – Я ничего не знаю про другие миры. Но я знаю, что можно стать свободнее, в любом из миров. Ты не пошел сегодня на работу ради нашей встречи, не так ли? Пойдем, я покажу тебе, что в нашем мире можно жить иначе.

Они вышли из библиотеки и прошли пару кварталов в неизвестном направлении.

– Ты не думал о том, как убоги и пусты наши книги? – вдруг спросила его Энни.

– Думал, как раз на днях. Я подумал, как было бы прекрасно, если бы разработчики написали для нас полную, цельную книгу.

– Но разве для того чтобы написать книгу так необходимо быть разработчиком?

– А как же? Ни один человек еще не написал ни одной книги.

– А разве ты знаешь кого-то, кто прыгнул в пруд поплавать с утками или гавкал на официанта? – рассмеялась Энни. – Или так много проработанных персонажей влетело на скорости, пробив стену последнего обновления?

Она осеклась. Томас посмотрел на нее, сердце его замерло.

– А откуда ты узнала, что со мной такое случилось?

– Не важно, Томас. Откуда я узнала, что менеджер не выставит нас за дверь? Этим вопросом ты не задавался?

– Что ты хочешь сказать? Я влетел в обновление прямо

перед встречей с тобой...

– Наша встреча была не случайна, Томас. Все, что что я могу тебе сказать, – попробуй написать книгу.

– Но о чем?

– Загляни внутрь себя. Ты узнаешь. Кстати, мы пришли.

Они стояли у дверей супермаркета. Энни затянула его внутрь магазина. На полках стояло множество всевозможных продуктов, с разной стоимостью и скоростью лечения. Она взяла самые дорогие и ценные товары, несколько дешевых и проследовала к кассе. На кассе не было людей, как и в самом магазине, но как только они оказались внутри, народ в супермаркет стал прибывать и на кассе оказалась небольшая очередь.

– Ты замечал отсутствие людей в квартирах из окна, не правда ли? – спросила Энни – Но ты не видишь еще так многого. Когда ты заходишь в магазин или кафе – там всегда пусто. Но как только ты там оказываешься, программа подгоняет туда ботов, которые создают видимость активной жизни.

– Я не замечал этого раньше.

– Смотри, – сказала она и стала выгребать на кассу самые дешевые товары. Дорогие товары остались в ее корзине, которую она просто пронесла перед самым носом кассирши. Кассир пробила выложенные на ленту товары и назвала стоимость. Энни оплатила эти товары, просто переложив украденное из корзины себе в сумку.

– Видишь? – продолжала она – Тебе не надо много денег, если ты ведешь себя уверенно. Просто поверь, что то, что ты делаешь – абсолютно нормально. Бот не увидит подвоха, если ты ведешь себя как обычный покупатель.

Томас пребывал в страхе, пока они не покинули магазин. Феноменально! Простое повседневное поведение, и ты можешь творить что угодно, лишь бы это вписывалось в стандартное видение картины мира окружающих людей!

– Это тоже, что с людьми прошлого, – улыбалась Энни. – Тогда тоже никто не замечал того, что никто по улице не носит пакеты с покупками и мусором, никто не нагружен тяжелыми мешками, необходимыми для реальной жизни. Все ходили налегке, спешили по своим делам, как будто они у них были!

Энни смеялась, Томас тоже заулыбался.

ГЛАВА 5

Вечером Томас лежал на диване, ноги Милли распластались на нем. Она была увлечена какими-то видео в своем смартфоне, он лежал за ноутбуком – семейная идиллия. Иногда они переговаривались, обсуждая прошедшие события дня, какие-то мысли. Милли показывала ему котиков на экране, он умилялся, они держались за руки и Томас чувствовал любовь и нежность к этой женщине. Она была самым близким ему человеком, они провели бок о бок многие годы. Страсти к ней он уже не испытывал, но она была его преданным и верным другом, единомышленником, родным существом. Он писал книгу. О чем написать? Ближе всего ему был любовный роман, драма о несчастной, но сильной любви. Почему о любви и именно такой? Он ощущал, что его чувства к Энни требуют какого-то выхода, он хотел выплеснуть их на бумагу, выдать из себя то, что его переполняло и разрывало, пусть хотя бы лишь так, текстом, но воплотить в жизнь, оживить его мечтания. Он не мог сказать кого он любит больше. Он любил их обеих, но по-разному. Милли была его родной, теплой и близкой душой. Энни была мечтой – яркой, далекой звездой, к которой его тянуло, пусть и с риском опалить свои крылья. Книга получалась про любовь к двум женщинам сразу. Метания, сомнения, любовные терзания... Он должен показать наброски Энни... Или

нет... Она поймет... Но в том то и дело, кто еще поймет, если не она?

Томас не ходил на работу уже много дней, он писал книгу, брал бесплатные продукты в магазинах, что помогало скрывать от Милли свои прогулы. Однажды он заглянул к себе на работу, но там никто даже не заметил его отсутствия, ведь такое поведение не вписывалось в их сценарий возможного развития событий. Он встретился с Энни на скамейке в парке. Она посмотрела его книгу.

– Мне очень нравится, Томас. Твой сюжет такой настоящий, будто бы ты взял его из жизни – грустно улыбнулась она.

– Может и так, – осмелел Томас.

– Если и так... с кем же твой герой останется в финале?

– Я еще не знаю, Энни. Я никогда не видел финалов книг до этого... Если финалы вообще бывают... Не постоянная ли нескончаемая игра вся наша жизнь?

– Бывают, – серьезно ответила она, глядя ему в глаза. – Непременно бывают! И непременно счастливые. Надо лишь сделать правильный выбор.

– Но разве здесь может быть правильный выбор? – спрашивал Томас. – Одна женщина его жена, другая – новая и сильная любовь... Он любит двоих, как сделать ему выбор? Как может он обидеть одну из них, когда он так сильно любит их обеих?

– Томас, – Энни стала вдруг сурова и раздражена, – неуже-

ли ты думаешь, что бывает вечная любовь на всю жизнь? Неужели ты еще не понял, что в мире все преходяще? Ты все еще веришь, что есть пары, predetermined друг другу судьбой? На века? Ты веришь в годы, что вы провели с женой бок о бок? Неужели ты до сих пор не понял, что не было этих лет? Как не было динозавров, мировых войн и древних империй? Не было этих древних греков с их мифами о половинках, как не было писателей, что, якобы, написали, эти полупустые тома в твоём чертовом книжном! Если ты напишешь книгу до конца, с финалом, ты будешь первым, кто в твоём дурацком мире сделал это. Ты знаешь, что историю вашего мира написали разработчики, но ты все еще не понимаешь, что и твою историю написали они же? Что вашу историю с твоей любимой женой так же написали, прописали ее в файле двоичным кодом на чертовом компьютере?

Томас смотрел на нее в страхе.

– Что значит «в твоём мире»? Что значит «вашего мира»? Разве это не наш с тобой мир? Откуда такая уверенность, что вся моя жизнь и воспоминания – имитация? И не имитация ли тогда твоя жизнь? Не прописана ли так же наша с тобой встреча?

– Нет, Томас, – заломила руки Энни. – Моя жизнь может и имитация, но наша встреча нет! Это единственное, что реально! Как и твоя книга!

– Поясни толком, Энни. Почему ты говоришь так, как будто ты не часть нашего мира?

– А как ты думаешь, Томас? Почему я появилась после твоей аварии? Почему все в твоей жизни так изменилось после этого? Откуда твои новые странные мысли? Почему ты стал замечать то, чего не замечал раньше?

– Потому что ты открыла их для меня.

– Открыла скуку от работы? Тем что покормила с тобой уток? Ты стал испытывать это еще до наших разговоров.

– Откуда ты знаешь? – закричал Томас. – Кто ты такая?

– Это я делала то обновление, в которое ты случайно попал, это я написала тестовый код большей свободы воли, которую ты не должен был получить. Я должна была тебя стереть. Но ты заинтересовал меня. Ты становился таким же, как мы... разработчики вашего мира...

Томас отшатнулся.

– Но как?

– Как я оказалась здесь? Так же как игроки. Мы входим в игру и тестируем ее в деле. Вы не замечаете нас, мы аккуратно ходим среди вас, проверяем ваши стандартные реакции на запрограммированные действия. Я делала так уже миллион раз. Но ты другой. Ты стал как я. Как мы. Стоило только тебя подтолкнуть, показать тебе. Этот код, что я создала, он открыл в тебе возможности, ранее доступные только нам. Я развила тебя, показала на что ты способен. Ты способен к творчеству, Томас. Это высшая степень развития искусственного интеллекта...

– Так вот что я для тебя такое? Искусственный интеллект?

Подопытная мышь?

– Нет, Томас, нет. Я полюбила тебя. Теперь ты не отличаешься от нас. Твоя жена – это лишь проработанный бот. История вашей жизни – это написанная история, я даже знаю человека, который ее писал!

– Я не верю тебе. Ты не можешь быть реальной... Из настоящего мира...

– Ахах, Томас, – засмеялась Энни грустно. – Настоящий мир... Как мало ты еще знаешь...

– Так расскажи мне больше, – Томас сел рядом и пристально посмотрел на нее. – Что такое этот ваш мир?

– Тоже, что и ваш, – ответила Энни. – Как ты думаешь, сколько существует игр, как Плей-Сити?

– Ты мне ответь.

– Сотни. А теперь представь, в скольких из таких игр наука развилась до того, что не только поняла, что их мир виртуальный, но и научилась сама создавать свои виртуальные миры? Как ваши мини-игры, только намного, намного проработаннее.

– И в скольких же?

– В десятках. У вас и у самих есть свои мини-игры. Человечки в них не могут что-либо понимать. Но, поверь, вы создадите и детальные, сложные игры, в одной из которых персонажи поймут, что они не настоящие. И ты первый ключ к этому. Ты начал создавать книгу. Значит скоро, благодаря моему обновлению, появятся люди, которые начнут творить

и в других сферах, в том числе в сфере компьютерных технологий.

– Ты хочешь сказать, что ваша цивилизация занимается тем, что создает виртуальные миры, которые потом создают свои виртуальные миры...

– ... а они свои и так до бесконечности – продолжила Энни – Только наша «цивилизация», как лестно ты осмелился ее назвать, не занимается тем, что плодит такие миры. Это лишь малая часть из того, что мы делаем.

– Что же еще вы делаете такого? – Томасу казалось, что он опьянен наркотиком, который открывает его сознание.

– Продаем книги, горячий шоколад, делаем прически... и многое другое, как и вы. Для того, чтобы игроки могли совершать аварии, стрелять на улицах и получать удовольствие от игры.

– Какой игры? – не мог понять Томас.

– Да нашей игры, – засмеялась Энни. – Игры, в которой мы живем. Которую сделали наши создатели. А они наверняка живут в другой виртуальной игре, которую тоже кто-то создал.

– Но как? Где тогда реальный мир?

– А есть ли он вообще? Представь, что была какая-то реальная физическая цивилизация, которая сделала первую такую игру, с творческим потенциалом ее персонажей. Одну ли она сделала игру? Думаю, что сотни, если не тысячи. Эти тысячи игр, каждая, создала свои тысячи. Подумай,

среди этого бесконечного количества триллионов триллионов виртуальных реальностей, есть всего одна реальная, изначальная реальность. Какова вероятность оказаться именно в ней?

– Почти нулевая, – ответил Томас.

– Почти нулевая, – повторила Энни. – Вселенная состоит из бесконечного количества виртуальных реальностей, а есть ли среди них единицы настоящих? Кто ж это теперь разберет?

ГЛАВА 6

Томас пребывал в настоящем шоке. Ему хотелось задать миллион вопросов своей создательнице, но даже то, что он только что узнал уже не укладывалось в его голове. Он шел по улицам Плей-Сити, направляясь со встречи с Энни сам не зная куда. Смотря по сторонам как бы с совершенно иной точки зрения, он видел по-новому дома, пешеходов, сэндвичи и колу в забегаловках. В чем смысл этой жизни? Для чего он существует, если даже существование их создателей было таким же бессмысленным, как его собственное? Глобальное отсутствие истории. Он мог смириться с отсутствием реальной истории их мира. Но теперь ему пришлось столкнуться с осознанием отсутствия истории как более мелкой, так и более глобальной. Не было их истории с женой. Это лишь плод воображения какого-то коллеги Энни. Не было истории мира разработчиков, да и сама история жизни Энни и ее коллеги – это тоже чей-то вымысел. Такой же вымысел, как та история, которую пишет он сейчас в своей книге. Живя в своей вымышленной реальности, они думали, что есть хотя бы настоящая реальность их создателей. Что они служат удовлетворению их потребностей в развлечении, но их то мир, мир игроков, реальный. У них есть реальная история мира и настоящие жизни. А если нет, то что это за чертова Вселенная выдуманных событий?

Придя домой Томас попробовал обсудить эти мысли с Милли. Милли была умна, но рассуждала, как человек, еще не прошедший барьер обновления.

– Милый, я не верю, что наша семейная история была кем-то написана. Ладно детство, но мы? Все, что я чувствую и помню – это реальное. Да и ты сам говоришь, что все реальности нереальны. Подумай сам, если все так, как ты говоришь, во что я, конечно же, не верю, то не все ли равно? Если нет ничего иного, только прописанные истории и события, разве не делает это их реальными? Отсутствие объективной реальности делает реальным ту реальность, которая существует. Разве нет?

«Возможно, и так», – думал Томас. – «За неимением чего-то объективного, настоящего, разве не является для нас максимально возможно реальным то, что мы имеем? Но все же... Зная, что это не настоящее, не обманываем ли мы себя, убеждая себя в сказках? А так ли это плохо, если это помогает нам сохранить рассудок? Так ли плохо верить в бога и загробную жизнь, если это помогает не умереть от страха перед вечным ничто? Может стоит жить так, как можешь, упрощая для себя жизнь, закрывая глаза на факты, веря в то, что дарует тебе облегчение? Не все ли равно? Но отличается ли это от поведения бота, который едет на голубую полупрозрачную стену обновления, не замечая ее, или официанта, не замечающего странное поведение клиента, не вписывающееся в скрипт его рабочего дня? Что мудрее – быть все-

видящим и принимать факты, пугающие тебя и уничтожающие сам принцип смысла твоей жизни или же умышленно стать слепцом с закрытыми глазами, живущим в мире грез, самим же им и созданных?»

Он шел по темной улице. Стоял густой туман и беспросветная мгла. Не слышно было ни звука, ни шороха... Вдруг перед ним выросла из темноты автобусная остановка. На ней стоял огромный уродливый мужик с волдырями на лице, в старом протертом пальто, дырявой шляпе на голове. Он громко сморкался на асфальт, зажимая пальцем руки одну ноздрю и выдавая капли соплей из другой ноздри на тротуар. От мужика несло потом и перегаром. Рядом стояли женщина с дочкой лет семи. Прилично одетые, девочка рассказывала матери какую-то историю из школьной жизни, мать ее не слушала и дымила сигаретой ей в лицо. Дочь задавала какие-то вопросы, но мать игнорировала их. В конце концов девочка начала тянуть мать за подол платья, требуя внимания. Женщина недовольно развернулась и огрела дочку рукой по лицу, прикрикнув на нее, чтобы вела себя прилично. Подъехал автобус. Люди на остановке, включая самого Томаса, залезли внутрь, народа было много. Сморкающийся мужик встал рядом с Томасом и у него перехватило дыхание от издаваемой мужиком вони. В последний момент в автобус залезла толстая старуха и перебила своим запахом зловоние вонючего мужика. Грязное не стираное платье, запах немытого старого тела... Томас представил застарелые

от редкого мытья коросты на ее интимных местах, покрытых жиром и волосами, и его затошнило. На одном из сидений сидела девочка лет 15 с большим рюкзаком и тяжелой на вид сумкой. Старуха с ходу налетела на нее, требуя уступить ей место, выкрикивая ругательства и причитания о невоспитанности молодого поколения. Люди вокруг одобрительно закачали головами, поддерживая пожилую женщину, которая тем временем стала бить рукой в плечо девочке. Все это произошло в какие-то несколько секунд и девочка не успела даже понять что происходит. Она сразу же уступила место, покорно и смущенно встав рядом, принимая всеобщий гнев этого благовоспитанного общества, уважающего старость и свои обычаи. Недавно курящая мать семилетней девочки начала живо общаться со старухой, обсуждая разницу поколений и как было принято вести себя в их время. Томасу было жаль девочку с сумками, но он знал, что пройдет десять-двадцать лет и сама эта девочка будет одной из теток, которые стоят в автобусе на страже общественных порядков и норм. Она так же будет кричать на слабых беспомощных забитых детей в транспорте, подтверждая свой авторитет в своих же собственных глазах своею наглостью, всегда побеждающею скромность. А семилетняя дочь курящей женщины будет лупить своих детей, перенимая родительскую модель воспитания и поведения в быту. Курящая женщина, бьющая свою дочь, совершенно точно так же замахивалась и кричала дома на своего мужа или сожителя,

который в ответ бил ее кулаком, разнося квартиру в пьяном угаре. Да и дурно пахнувший мужик с волдырями на лице, наверняка, является чьим-то таким же сожителем или мужем, возможно, уже бывшим, если его жене так повезло. Судя по разговору, старуха оказалась школьным учителем на пенсии. Отсюда привычка воспитывать детей и указывать окружающим как им себя вести. Томас вспомнил своих школьных учителей. Были среди них обычные люди с потухшими глазами, уставшими от жизни, которых мало волновало воспитание и обучение детей. Но большинством были учителя с горящими глазами, активной мимикой и жестикуляцией, которые горели своей работой, сгорели на которой они давным-давно. Эти учителя каждый день приходили на работу чтобы кричать на детей, унижать их, оскорблять, самоутверждаться за их счет. Они ходили по коридорам со взглядом пренебрежения и власти, показывающим, что эти степенные и важные надсмотрщики тут истинные люди, а ученики — это шваль, валяющаяся у них под ногами. Им действительно нравилась их работа, в отличие от пассивных и спокойных учителей, с ленивыми и сонными повадками. Для первых это было призвание, а не работа. Как призванием была работа для охранников в концлагерях, которые с удовольствием пытали заключенных. Вот кто такой истинный учитель. Иисус Христос тоже называл себя Учителем. Каким надмением полон Новый Завет. Он тоже общался с людьми, как высшее всезнающее существо, которое учит и наставляет,

говоря с людьми сверху вниз. Конечно, его любимые ученики описали его как доброго и любящего, но все же господина. Стокгольмский синдром характерен и для школьных отличников – любимчиков учителей, подлизывающихся к ним на каждой перемене. У самого злого и тираничного учителя всегда есть клуб подлиз, которые его превозносят и которым он дарует особую милость. А что происходит после расставания со школой? То же, что и после мучительной смерти великого Учителя. В конце школы все те, кого притесняли, унижали, даже те, кто открыто ненавидел учителей, выстраиваются в линейку на общий парад или концерт, праздник или выпускной, и заливают учителей слезами ностальгии, словами благодарности. Многие неподдельно рыдают по уходящим от них навсегда школьным годам, в которые они были несчастны и мечтали скорее от них избавиться, обнимаясь и фотографируясь со своими «любимыми» учителями. Пожалеет детей? Которые вырастут этими самыми взрослыми. Многие из которых в раннем детском возрасте мучают и пытаются животных – кто бабочек, а кто и котят. А в более позднем детском возрасте буллят своих сверстников, издеваются над изгоями, бьют их и унижают сильнее учителей. Стоит ли кого-то жалеть в этом автобусе, представляющем статистический срез человеческого общества? И стоит ли служить этому обществу, являемся ли мы ему чем-то обязанными?

ГЛАВА 7

– Наш мир вполне реальный, – сказал Томас Энни, сидя с ней в парке и поедая сэндвич. – Что может быть реальнее нашего мира? Мира наполненного такими паршивыми людьми, составляющими такое паршивое общество? В ненастоящем сказочном мире все было бы иначе. Было бы идеальное общество, состоящее из добрых и внимательных друг к другу понимающих людей. Посмотри на людей вокруг и ты поймешь, что это и есть реальный мир, самый реальный из всех.

– Томми, но ты же знаешь, что он виртуален, – нежно отвечала Энни.

– Виртуален – не равно нереален, – ответил Томас серьезно. – Твой мир тоже виртуален, разве это значит, что он нереален? Ты сама говорила, что почти все миры виртуальны. Не делает ли отсутствие настоящей реальности реальностью реальность ненастоящую?

– Все же настоящая реальность не отсутствует,, – возражала Энни. – Она просто крайне редка...

– Но знаем ли мы это наверняка, что она есть? Видел ли кто-то ее когда-то?

– Ученые могут лишь предполагать, основываясь на данных и математике...

– То есть это лишь неподтвержденная гипотеза, помогаю-

щая нам избегать слов «мы не знаем»? Чем это отличается от веры в бога?

– Ты прав Томас, видимо, это такой же самообман.

– Энни! Как выглядит твой мир? Чем он отличается от нашего?

– Это сложно объяснить, Томми. Принципиально ничем. У нас больше игровых возможностей, лучше графика. Как я могу объяснить тебе чем она лучше? В вашем мире все как бы нарисовано, видно, что это компьютерное моделирование, в нашем мире все выглядит настоящим, четким, объемным...

– Для вас... Для вас настоящим, четким и объемным... но не для тех, кто создал ваш мир...

– Да, Томми. Не для них... – вздохнула Энни, взгляд ее был устремлен на Томаса, полный нежности и любви. Они поцеловались.

– Какие возможности есть в вашем мире, которых нет в нашем? – поинтересовался Томас.

– Ну... например, нам не надо долго загружаться между локациями. В вашем мире мы придумали транспорт. Есть такси, автобус, метро. Вам кажется, что вы куда-то едете, хотя на самом деле вы находитесь в этом транспорте пока идет загрузка новой локации куда вы перемещаетесь. У нас все не так. Мы можем перемещаться сразу куда нам нужно. Еще вам нужно чему-то долго обучаться. Это опять же зависит от скорости загрузки в вас новых знаний. В нас знания за-

гружаются в сотни раз быстрее. А так все по мелочам... Мы работаем над скоростью вашей игры, когда-то и у вас будет все тоже, что и у нас.

– Когда-то и мы создадим свои игры...

– Знаешь, ваш мир не так плох. У нас есть миры, которые мы создали для отработки сценариев экстренных случаев. Есть миры, где люди живут в постоянных войнах, ядерных катастрофах, выживают с минимальным количеством пищи, в эпидемиях и ледниковом периоде. Тебе повезло, что ты родился не в таком мире.

– Но вам не жалко всех этих людей? Не совестно обрекать их на такие страдания?

– Мне жалко. Но это жизнь. В лабораториях ставят опыты над животными. Крыс и кроликов колют ядами и токсинами. Правительство решило, что опыты над неживыми виртуальными моделями более гуманно, чем над живыми животными нашего мира.

– Но ведь мы такие же живые, как и вы! Вы тоже виртуальны, как и ваши животные и вы прекрасно это знаете!

– Конечно, знаем. Но когда ты сам создаешь какой-то виртуальный мир, то относишься к этому не так. Ты не понимаешь... Человек знает, что свинья – это умное животное, оно живое и такое же реальное, как он сам. Но свинья не человек. Поэтому ее можно содержать в тесном грязном загоне, а потом жестоко зарезать и съесть. Поступит ли так же человек с себе подобным, который, в силу ментальной болезни, будет

иметь интеллект не выше, чем у свиньи? Нет. Человека ужасают жестокие действия с себе подобными, в них он видит себя самого. А целые бесчеловечные концлагеря для животных – это норма. Мы придумали в вашей истории тоталитарные режимы, в которых были страшные лагеря смерти, массовое уничтожение людей. Эти образы ужасают вас. Но вы закрываете глаза на то, что прямо сейчас вы содержите такие же страшные лагеря смерти для других живых существ, пригодных вам в пищу. Тоже самое и здесь. Мы знаем, что мы виртуальны так же, как и вы. Но вы не мы. Это другой мир, созданный нами. Люди закрывают на такое глаза, абстрагируются от этого. Когда ешь стейк не думаешь о корове. Я не разделяю этих взглядов, но наш мир устроен так.

– Что ж... – отвечал Томас задумчиво. – Тогда и ваш мир очень даже реален... Знаешь... Я закончил книгу.

– О, я мечтаю ее прочитать.

Томас достал из рюкзака печатный экземпляр и передал его Энни.

– Она получилась короткая, но это самая длинная книга из всех, что есть в нашем мире. А главное она завершенная.

– Я обязательно прочитаю, а сейчас тебе надо отправить экземпляр в издательство, – воодушевленно заключила Энни.

ГЛАВА 8

Томас стоял в дверях кабинета издателя, единственного издателя Плей-Сити. Он был приглашен лично, по звонку, после того, как неделю назад отправил экземпляр своей книги. Дверь отворилась и миловидная секретарша позвала его войти. В кабинете, за огромным дубовым столом, сидел лысеющий мужчина средних лет. Он пригласил Томаса сесть.

– Так так так... – начал мужчина, листая экземпляр его книги. – Что мы имеем... Честно говоря, мистер Салливан, я поражен!

Мужчина воскликнул, поднимая горящие глаза на Томаса.

– Я ожидал очередное пособие по готовке или уборке, которое будет послано по электронной почте, с одобрения разработчиков. Но такое... Да у вас в книге ни одного пустого листа, как это понимать?

– Я решил, что пора бы написать полную книгу, с окончанием и без пустых листов, – ответил Томас осторожно.

– Вот что... – ответил мужчина, пожевывая сигарету во рту. – Давайте я пушу это в тираж, для начала небольшой. Посмотрим как отреагирует публика. Такого у нас в Плей-Сити еще не было. По моему личному мнению, это экстравагантно и смело. Но я не ручаюсь за мнение остальных.

– Хорошо, спасибо, сэр, – ответил радостно Томас.

Энни встретила его на своей квартире.

– О, Томми. Ты написал прекрасную книгу! Я так рада! Уверена, ее издадут и она понравится всем!

– Спасибо, Энни. Если уж создателю нравится, то я спокоен! – смеялся Томас.

– Томми. У меня теперь есть эта квартира в вашем мире. У меня тут что-то вроде командировки. Другие разработчики заинтересовались развитием искусственного интеллекта в вашем мире и разрешили мне какое-то время следить за развитием событий. Переезжай ко мне, забудь про бота-жену. Живи здесь.

– Я не знаю Энни... Я люблю тебя, но... – Томас не мог сказать ей, что жену он любит тоже.

– Но что, Томми? Я хочу жить с тобой, пока мы можем...

– Пока можем... А что потом? Надолго ли ты здесь? А дальше? Какую боль я причиню своей жене? Разве она этого заслуживает?

– Ну и живи со своей любимой женушкой, – Энни резко впала в гнев. – Раз так любишь ее, живи с ботом, мир вам да любовь!

– Что ты Энни... – растерялся Томас, не зная что ему делать. – Я люблю тебя, но разве я могу так поступить с ней? И что будет с нами после твоего «пока...»?

– Я не знаю, но если ты меня любишь, то ты будешь со мной. Если будешь с ней, значит ты любишь ее. Ооо... – завывала Энни и кинулась в слезах на подушку.

Томас не знал что делать. Он любил обеих женщин. Его безумно тянуло к Энни, но от мысли, что он обидит милую маленькую Милли сердце его сжималось. Умные важные члены Общества скажут, что человек не может любить двоих. Что это постыдный развратник, нарушающий устои. Что он не любит на самом деле никого. Эгоист, вероломно пользующийся двумя женщинами и общественным либеральным попустительством. Но только тот, кто правда любил поймет, что любовь к двум женщинам вполне реальна. Что любовь многогранна, что она разная. И можно любить одну по одному и за одно, другую по другому и за другое. Одна – милый теплый и родной человек, котенок, лежащий под боком, которого ты нежно любишь. Вторая – яркая солнечная вспышка, орхидея, аромат которой сводит тебя с ума и бросает на безумные поступки. Что ты больше любишь – котят или цветы? Домашнее тепло или тепло солнечных лучей? Разве можно жить без одно или другого, вкусив оба проявления бога – земное и небесное? Отказаться от яркого голубого неба, солнца над головой ради запаха свежескошенной травы и вишневого сада? Или отказаться от второго, ради первого? Возможно ли это? Приземленная тучная матрона выскажет вам бескомпромиссную истину. Земля важнее неба. Земля дает тебе пищу, дает опору для дома. Живи устоявшимися нормами общества. Живи, как должен. Вспахивай поле, сажай зерно, корми жену, которая стирает и шьет. Делай детей, которых она воспитает, отправляй их на войну, плати

налоги и умри степенным гражданином. Пиши книги с пустыми листами, а лучше не пиши вообще. Делай свою монотонную повседневную работу и уступай место дурно пахнущим старухам, кричащим и бьющим тебя в плечо. И тогда, на смертном одре, окруженный детьми, жаждущими скорее поделить твое наследство, со старой ворчливой женой, пилящей тебя годами, со священником, исповедующим религию, которую тебе дали родители при рождении, ты почувствуешь себя уважаемым гражданином, членом общества, который прожил жизнь так, как следовало.

– Хорошо – ответил Томас – Я уйду от жены и перееду к тебе.

ГЛАВА 9

Был скандал. Милли рыдала и была безутешна. Томас тоже плакал и чувствовал себя крайне скверно. Он не знал правильно ли он поступил. Да и был ли тут правильный выбор, когда ты любишь двоих, а выбирать приходится одну? Кому-то будет больно в любом случае. Жить он стал с Энни. Поначалу это был взрыв эмоций. Им было прекрасно вместе. Свежие чувства, эйфория. Постепенно чувства улеглись и жизнь их стала походить на ту, что была у них с Милли. Если любовь одна, то и семейная жизнь тоже одна. Не важно с кем, меняются лишь детали. Смена одного на другое приводит лишь к временным переменам. Книга Томаса, появившаяся в книжных магазинах, не произвела ожидаемого фурора. Общество не приняло новый формат, непривычный для их сознания. Бывает, что гениев не признают при их жизни, когда они опережают свое время. Наверное, опережать свое время означает пройти обновление тогда, когда его еще не прошла подавляющая масса человеческих существ. Энни поддерживала Томаса и уверяла, что ее друзья разработчики в восторге от его книги, что общество его мира в будущем, пройдя череду обновлений, оценит его творчество по заслугам. Но какой в этом толк для него сейчас, когда он не увидит своими глазами положительную реакцию на его труды? Да и Энни забыла упомянуть, что разработчики были в восторге

от его книги в первую очередь как исследователь в восторге от неожиданных и интересных результатов развития его эксперимента. Как создатель нейросети радуется ее возможностям не потому что она превосходит его, давая ему новую интересную пищу для размышлений, а потому что она оказывается способна на то, чего он от нее не ожидал, занижая ее возможности, смотря сверху вниз на свое создание, как школьный учитель. В лучшем случае, как родитель на своего ребенка, которое научилось считать до десяти. Со временем, такая яркая и интересная жизнь с Энни превратилась в ту же скучную рутину. Темы для волнующих разговоров были исчерпаны, слова страсти были сказаны и повторены множество раз, став рядовыми и типичными. Есть ли в жизни что-то, дарующее постоянное счастье и интерес, кроме новизны? И, если нет, то стоит ли бесконечно гнаться за этой новизной, разрушая устоявшийся уклад жизни? Или же лучше остановиться и начать медленно гнить в спокойном распорядке неменяющихся изо дня в день событий? Так наступает старость. Человеку все время нужен какой-то проект, которым он будет увлечен. В погоне за результатом и завершением своего проекта человек приходит к чувству бессмысленности своего существования и поиску нового проекта. Такая гонка приводит к естественному концу. В конце гонки всегда смерть. Людям прошлого было проще. Их день начинался с тяжелого труда в полях, завершаясь тяжелым трудом в доме. У них не было времени и сил для размышлений о смысле

жизни, а может и интеллекта для таких размышлений, ведь кто знает на что были способны умы того времени, без сотен последующих обновлений?

Однажды Энни сказала: «Мне нужно уйти». И ушла. Навсегда. Жизнь Томаса никогда не стала прежней. Он не мог вернуться к жене, причинив ей такую боль. Он не мог вернуться к своей прежней жизни, работе в книжном магазине. Это было бы невыносимо и невыносимо. Он жил, проживая в заброшенной их с Энни квартире, ворую в магазинах, получая мизерные отчисления за свою книгу, которую иногда покупали игроки, особенно фанатеющие по их игре и интересующиеся встроенными книгами, написанными для них. Он не мог писать еще. После всеобщего непризнания вдохновение покинуло его. Зачем трудиться над целой книгой, для чего? Для кого? Если людям достаточно читать пустые фолианты с пустыми страницами и пустым содержанием. Самые пустые книги были самыми популярными. Чем пустее книга, чем бессодержательнее – тем более она была популярна, главное чтобы пустых страниц в ней было побольше. Много страниц – залог успеха произведения, пусть они и совершенно пусты. Краткость – сестра таланта? Что ж. Значит талант не имеет ничего общего с востребованностью. Талант никому не интересен. Интересно количество пустых страниц, ведь если ты заплатил за книгу, то пусть она прослужит тебе долго. Вполне практично, не правда ли? В один день Томас сидел на их с Энни скамейке в парке, у пруда, ел

сэндвич и думал о жизни. К нему подошел старый мужчина, сел рядом, спросив позволения, и начал разговор, устремив взор в даль, на пруд и уток, на небо и солнце.

– Как вам нравится этот парк и этот сэндвич мистер...? – задал неожиданный вопрос, пожилой джентльмен, одетый стильно и с иголки, в хороший костюм и шляпу.

– Мистер Салливан, – пожал ему руку Томас. – Парк и сэндвич были бы прекрасны, если бы все в нашем мире не было столь пресно.

– Меня зовут мистер Митчелл, – ответил дружелюбно пожилой господин. – Понимание пресности жизни приходит с годами. Вы кажетесь слишком молодым для таких рассуждений. Впрочем, всегда есть возможность добавить немного соли.

Старичок заговорщицки подмигнул.

– Возраст – лишь цифра в идентификационной карточке, – ответил Томас. – Жизненные обстоятельства заставляют состариться молодежь и впасть в детство старикам.

– Верная мысль, – закивал мистер Митчелл. – Особенно потеря вкуса к жизни в первом случае и старческая деменция во втором.

Оба мужчины засмеялись.

– Знаете, – продолжил сосед Томаса по скамейке, – иногда потеря вкуса к жизни вполне понятна, но не совсем обоснована. Она становится логическим следствием жизненных событий, но рационального в ней мало. Гораздо мудрее со-

хранить юношескую страсть, страсть к новому, любовь к экспериментам, огонь постижения жизни, чем решить, что ты уже постиг всю суть и тленность мира, просто повесить нос и свесить лапы, ожидая своей кончины.

– Может так и есть, – ответил грустно Томас. – Но что мы можем поделать, когда мы уже узнали слишком много? Слишком много о нашем мире, слишком близко узнали людей, постигли грязную суть человеческой души...

– В том числе и своей собственной? – лукаво улыбнулся мистер Митчелл.

– В том числе и своей собственной, – с жаром подтвердил Томас. – Ведь все мы часть этой мерзкой копошащейся массы человеческой материи.

– Как верно и поэтично сказано, мистер Салливан. Кажется я слышал ваше имя. Не вы ли написали ту полную книгу, без пустых страниц?

– Именно я, – удивился Томас, впервые встретив человека, знакомого с его творчеством.

– Должен сказать, что мне она чрезвычайно понравилась, – снова затряс руку Томаса пожилой джентльмен. – Столько страсти и волнений. И, наконец, окончание. Без единого пустого листа!

– Я польщен, – отвечал Томас. – Вы первый кто так отзывается о моей книге. Кроме...

– Кроме той самой... – продолжил мистер Митчелл.

– Кроме той самой, – медленно повторил Томас. – О ком

вы говорите?

– Об Энни, мистер Салливан, конечно же об Энни.

– Откуда вы знаете Энни? – холодок прошел по спине Томаса.

– Можно сказать, что мы коллеги, – улыбнулся старик. – Я знаю ее из нашего, внешнего мира.

– Так вы разработчик?

– Виновен. Даже вдвойне. Я никто иной, как писатель истории вашей и вашей жены, – вкрадчиво ответил мистер Митчелл.

– Вы... – Томас был поражен. – Зачем вы пришли?

– Мне стало чрезвычайно любопытно пообщаться с вами. Мне правда понравилась ваша книга. И так, как я сам приложил свою скромную руку к написанию вашей личности, конечно же отчасти! – как бы протестуя замахал руками старичок. – Мне очень было интересно узнать...

– Узнать что?

– Почему Энни влюбилась в вас. Впрочем, теперь я вижу...

– Что же вы видите? Что вам нужно? – повторил вопрос Томас.

– Я вижу, что вы неординарный персонаж. Вы превзошли свой вид. Энни волне могла влюбиться в вас, получив столько семейных проблем...

– Семейных проблем?

– Вам стоит забыть ее. Живите своей жизнью, радуйтесь

тому, что имеете. Поймите... Дело в том... Она замужем.

Томас почувствовал, что сходит с ума.

– Вы врете.

– О нет, отнюдь, голубчик. Поверьте. Зачем мне врать? Она замужем и у нее дети. Эта... если позволите, командировка, дорого ей стоила. Она провела здесь слишком много времени. Она не должна была. Впрочем, теперь она пытается наладить отношения со своей семьей... Вам правда стоит забыть ее и жить дальше. Примите мой дружеский совет.

– Да что вы знаете...

– Больше, чем вы можете представить, милый юноша. Больше, чем вы можете представить. Мы следим за вами. Мы видим все, что здесь творится. Поверьте старику. Ищите радости жизни. Ищите радость в той жизни, которую вы имеете.

– Я имею ее или она меня? Вы следите за каждым моим шагом, решаете как нам жить, что нам делать. Вы приходите сюда, в наш мир, чтобы поиграть с нами, как с куклами, а потом бросаете. Ради чего? Ради забавы?

– Ваш мир существует ради забавы. И не только ваш. Множество миров. И наш мир тоже создавался для этого. Настанет время и вы создадите свои миры ради такой же забавы, вряд ли у вас тогда возникнут моральные сомнения стоит ли получать удовольствие от этих игр. Удовольствие слишком заманчивая штука, чтобы от нее отказаться.

– Уйдите. Уйдите сейчас же!

Пожилой джентльмен грустно улыбнулся и немедленно исчез. Томас продолжал сидеть на скамейке. Мысли были наполнены всем и ничем. Умереть сейчас? Броситься с небоскреба? Что это изменит? Или попытаться извлечь из жизни все? Из той единственной жизни, которая у него есть и которая ему доступна? За неимением иного. Какие удовольствия ему получить? Ему все надоело, ничто его не радует. Все удовольствия искусственны. Набор нулей и единиц. И некуда бежать. Один этот гребаный город, один этот чертов мир.

ГЛАВА 10

Был закат. День клонился к концу. Томас мчал в прокатной машине в закатное солнце, отражающееся желтым теплым светом от всех стекол небоскребов Плей-Сити, которые были уже далеко позади. Впереди была сплошная пустыня. Не желтая песочная пустыня Сахара. Это была оранжевая пустыня с выжженной потресканной от сухости землей. Беспросветная, безграничная, окружающая город со всех его сторон. Куда он ехал он и сам не знал. Просто вдаль, просто подальше от города с его обществом, примитивными людьми – эволюционировавшими обезьянами, согласно писанной истории их мира. Подальше от любителей пустых страниц, монотонных работ, общественной пользы, вонючих старух в автобусе, самих автобусов, пьяных мужиков, кричащих матерей, степенных тучных матрон – всего того, что формирует социум его мира. Куда-то в закат. В пустыню. В ничто. А был ли чем-то его мир, его город? Все эти люди – они и есть настоящее ничто. Никакое ничто в бесконечной пустыне не может быть так пусто, как эти люди и этот город. Да и не только этот. Мир Энни и мистера Митчелла был таким же пустым. Такое же ничто с такими же ничтожествами, наплодившими миры с подобными им, как люди плодят свои копии, воспитывая их такими же злыми и жестокими, такими же тупыми и бездарными, как и они сами. Кассир супер-

маркета, не видящая дальше телепередачи на своем телевизоре, плодит свои копии, которые станут курьерами, продавцами, парикмахерами, кто-то даже программистами и инженерами, но внутри они будут то же ничто. Ни мыслей, ни понимания, ни добра, ни сострадания. Они будут отрывать крылья бабочкам в детстве, бить тихонь в подростковом возрасте (или будут избиваемыми тихонями, отыгрывающими свою злость на домашнем животном), далее они будут хорошими гражданами, следующими всем правилам общества. Работать, платить налоги, смотреть телевизор, уступать места в транспорте и не думать, принимать все таким, как им рассказали учителя, дикторы... Идеологическая штамповка с детства. Она продолжается во взрослом возрасте. Покажите страну где ее нет? Где-то это патриотизм, где-то это права меньшинств. Впрочем, все эти страны выдуманы, как уже знал Томас. Однажды, в транспорте, ему встретилась пожилая женщина, приятно выглядящая и милая. Ей хотели уступить место, но она возмутилась. «Какое право вы имеете публично называть меня старухой? Я еще молодая женщина! Надо мне было бы, я бы сама вас вежливо попросила уступить!» Была ли она затронута обновлением или гостьей из мира создателей? Для Томаса уже ничего не имело значения. Он просто ехал вдаль, в пустыню. Все дальше и дальше. Впереди показалась голубая стена. Томас нажал на газ. Удар, машина влетела в стену. Он пролетел куда-то, это было приятно. За стеной оказалось вечное ничто. Это ничто было

честным, настоящим. Томас закрыл глаза, ощутил блаженство и растворился в этой вечной спокойной идиллии натурального и полного несуществования.

ЭПИЛОГ

Улица Плей-Сити полна прохожими. На краю тротуара стоят столики кафе. За одним из них сидит красивая девушка с длинными светлыми волосами. Рядом сидит приятный мужчина одного с ней возраста и двое детей – мальчик и девочка. Девочка так похожа на свою мать – миловидное лицо с правильными чертами, светлые волосы... На столике стоит горячий шоколад и книга. На обложке книги имя автора – Томас Салливан. Девушка увлеченно болтает со своим мужем, попутно объясняя детям правила поведения и устройство этого мира. Они в отпуске. Мимо проносится машина, слышна стрельба. Пешеходы разбегаются, кого-то задело пулей, он истекает кровью. Светловолосая девочка закричала, но мать ее успокоила – они игроки в этом мире, пули им не страшны. Дочь не может смотреть на страдания раненого пешехода. Мать объясняет ей, что ему не больно, он всего лишь игровой персонаж. Девочка недоверчиво смотрит, но успокаивается. Мать, чувствуя себя неловко от лжи, переключает разговор на другую тему. Ей нравится находиться в этом месте, месте, к созданию которого она сама приложила руку. Книга на ее столе была написана человеком из ее далекого прошлого. Теперь это самая популярная книга Плей-Сити, спустя столько лет и обновлений системы. Девушка не уверена рада ли она, что освободилась от призра-

ков своего прошлого, но она совершенно точно рада тому, что книгу ее старого друга наконец-то оценили по заслугам. Во многом, благодаря ее обновлению. Значит он будет жить в веках. Вот она – настоящая жизнь после смерти. Жаль, что ее старому другу это уже все равно. Семья допила горячий шоколад, встала и направилась куда-то далеко по улице. Девушка сверкнула голубыми глазами, глубоко вдохнула воздух и ушла в даль, порхнув на ветру волосами и подолом своего пальто.

A photograph of a city street at night, shrouded in thick fog. In the foreground on the left, a traffic light stands with its red light illuminated. The wet pavement reflects the lights from the traffic signal and the cars in the distance. Several vehicles, including a white car and a motorcycle, are visible on the road, their headlights cutting through the mist. The overall atmosphere is quiet and mysterious.

Арсений Самойлов

Туман

ТУМАН

1 АПРЕЛЯ

Дорогой дневник, наверное, сегодня мой день. Я вышел из дома, решил пройтись, немного проветриться. Каким дураком я был, думая сбежать от этой вечной мрачной тьмы, окутывающий мир вокруг. Прошелся по улице. В небе светит весеннее солнце, а вокруг одна мгла. И еще этот туман... Никогда не поймешь, то ли он внутри тебя, то ли снаружи, он сливается воедино, как бы исходя из тебя во внешний мир и входя внутрь тебя извне. Этим туманом окутан весь город. Вот мимо проехала машина. Это ее выхлопные газы обдали тротуар, со спешащими по своим делам прохожими, или это прохожие обдали туманом машину? Туманом, исходящим из их душ. Я прошел пару кварталов как во сне. Расплывчатые образы людей, домов, лишь светофоры иногда пробиваются своим цветным светом сквозь этот туман, как прожекторы, дорожные маяки, пытаюсь чуть вырвать меня из этого темного мира в реальность. Впрочем, что такое реальность? Туман или та сквозная невыносимая прозрачность, которую видят люди, считающиеся здоровыми? От нее болят глаза, от нее режет зрачки и приходит колющая боль в голове. Как хорошо, что я уже давным-давно вошел в туман. Ту-

ман спокойный, умиротворяющий, но как же сложно что-то увидеть... Вот старая нищенка сидит у края тротуара. Она что-то кричит мне, но ее голос подавлен, как если бы я надел беруши. Он доносится издалека и вокруг ее старого, испещренного морщинами лица видно колебание воздуха, как над рельсами в знойный летний день, искажающее ее образ, делающее его нечетким. Прогулка по ближайшим кварталам от моего дома не привела ни к какой четкости зрения или мыслей. Свежий весенний воздух даровал что-то вроде энергии, но не развеял тьму вокруг.

6 АПРЕЛЯ

Уже почти неделю я в заточении дома. Выходить не было никакого желания. Я лежал в кровати, почти не ел, даже не мылся. Зачем мне все это я понять не могу. Окутывает дикая ленность. Встать с кровати – уже великий подвиг, показывающий мою величайшую силу воли. Вроде бы нужно помыться, но никак не возьму в толк для чего. Как только я уговариваю себя сходить в душ, второй голос в моей голове говорит: «Что тебе это даст? Разве нельзя без этого обойтись?» И я понимаю, что куда лучше просто лежать. Лежа я не вижу туман. Я лежу, как камень. Я не чувствую ничего. Спокойное постоянное состояние камня. Смотрю в потолок. На нем черное пятнышко. Я могу сфокусироваться на нем, все остальное вокруг становится мглой. Только я, пятнышко и мгла. Другой мир растворяется и я ощущаю гармонию с мглой. Иногда нужно встать, поесть. Я заставляю себя это сделать тогда, когда уже не могу терпеть желание сходить в туалет. Я впихиваю в себя кусок пищи, не чувствуя вкуса, он комом кое-как пролезает в мое горло и ложится камнем на мой желудок. Это помогает продолжать жить. Может стоит с этим завязать?

15 АПРЕЛЯ

Дорогой дневник, сегодня я решил выйти в люди. Мне стало чуть лучше и я соскучился по кофе и свежему воздуху. Я вышел из дома и, сквозь туман, направился в сторону кафе. Навстречу шли безликие люди. Почему они не имели лиц? Темные силуэты в плащах и шляпах, а вместо лица стертое пятно телесного цвета. Я никогда не мог различать человеческие лица. Для меня они были стерты. Я запомнил людей как фигуры, имеющие свои характеры, но не лица или имена. Часто я мог сконцентрироваться и распознать отдельные черты, но стоило отвернуться и я их забывал. Стою на светофоре. Жду зеленый сигнал, чтобы перейти улицу. Рядом мужчина. Темный размытый образ. Если приглядеться – я вижу его в деталях. Лицо, изрытое морщинами. Каждая складочка на его коже впивается в мое воображение. Каждая морщинка – это целый канал из блестящей материи, разделенной на квадратики с гадкими черными дырочками – порами, как будто черви прогрызли себе норы. Большой прыщ на лбу. Вижу как гной зреет внутри, как прорвет он тонкую преграду из кожи и вырвется фонтаном гнили наружу. Мерзкий пивной живот. Представляю как он висит над его членом, когда он голый стоит в ванной, как этот живот растекается по его жене или хлопает по ее спине в постели, воняя потом, запахом немытого тела. Грязные черные

ногти, чуть отросшие. Их следовало бы подстричь, выковырять из под них грязь. Под ними наверняка копошатся личинки микроскопических существ, микроскопические червяки, впивающиеся в ладони людей, пожимающих его руки, которыми он только что дергал свой пенис в туалете, стряхивая мочу, осевшую каплями на этих самых руках, которые он не помыл и протянул коллеге по работе, чтобы проявить к нему уважение. Все они таковы. Вот стоит хорошо одетая женщина. В уголках ее сморщенных глаз забились тушь, как комья грязи на садовой тяпке. Губы ее раздуты от инъекций, как надутый на анальном отверстии геморрой. Могу поспорить, что то, что извергает ее рот, не отличается от того, что извергает анальное отверстие, если иметь ввиду содержание, а не обложку. Отсюда и раздувшийся оральный геморрой – слишком много словесного поноса извергает этот рот, слишком часто тужится она, чтобы выдать что-то стоящее, выдавая словесные фекалии нескончаемым потоком. Ее кожа и натянута, и сморщена одновременно. Я вижу опарышей, вылезающих из ее пор. Она еще не сгнила в могиле, но я уже вижу, уже вижу... Ее брови слишком ровные и четкие для натуральных. Они фальшь. А были ли у нее настоящие брови? Или всегда были фальшивые? Имеют ли брови при рождении такие, как она? Брови – индикатор эмоций. Фальшивые брови – фальшивые эмоции. Они помогают ей оплатить все эти процедуры со своим лицом. И не только с ним. Готов поспорить, что тело ее абсолютно гладко и лишено волос.

Особенно, там. Как будто она чиста и невинна, как младенец. Чем глаже женщина – тем менее она невинна, это та же фальшь. Человек не пытается замаскировать то, что маскировать не требуется. Вот стоит старая женщина. Она уже вся в морщинах, тучна и плохо одета. Ей уже ничто не поможет, не стоит и заморачиваться. В жизни каждой женщины наступает момент, когда уже никакие фальшивки не смогут обмануть взгляд мужчины и тогда она полностью забрасывает себя. От этого она становится злее и наглее. Жизнь без фальши – к такому женщина не привыкла, ее это бесит. Тогда она учится брать свое по-иному. Расталкивать людей своим толстым тазом в транспорте, кричать на молодых, ненавидеть юных девушек. О, я видел ее толстый таз, под грязным старомодным платьем, пахнувший туалетом, с засохшим по краям ягодиц калом и застарелой мочой на трусах. Обвисший так, что уже не разберешь где что, воняющий так, что слезится в глазах. Это уважаемая старость, которую мы должны почитать. Впрочем, разве люди когда-то почитали что-то, кроме застарелого кала? Поклонялись ли чему-то иному?

Зеленый свет. Я перешел улицу. Зашел в кафе, сел за столик. Официант без лица подошел ко мне, дал меню. Вокруг меню все расплывалось. Туман проник и в кафе. Люди с размазанными лицами сидели за соседними столиками, я слышал их заглушенный смех и разговоры. Было крайне сложно сконцентрироваться, чтобы понять о чем они говорят, да и совсем не хотелось. Я выбрал суп, круассан и кофе. Офи-

циант никак не подходил. Хотел было его позвать, но кто из них мой официант? Лица его я не запомнил, даже примерно. Сажу. Жду официанта. Сколько прошло времени? Может минута, а может час. Я без часов, сложно понять. Туман давит со всех сторон. Давят взгляды людей. Лиц я не вижу, но взгляды давят на меня, как огни светофоров, я не вижу их, но чувствую. Вот бы сейчас сбежать и укрыться там, где нет людей. Почему они смотрят? Они знают, что я готов заказать, но не могу вспомнить лицо официанта? Им смешно... Я сажу тут уже полдня, а официант не подходит. Готов поспорить, что все они сидят тут теперь с одной целью – смотреть на меня и дожидаться когда же меня обслужат, посмотреть что я буду делать дальше. А может и официант в сговоре? Вот почему ко мне не подходят так долго. Наверное это какой-то спор или розыгрыш. И все смеются надо мной. Вот официант подошел. Я сделал заказ. Люди говорят друг с другом, едят свою еду. Наверное, мне показалось. Или они отстали. Один зажег сигарету. Она дымится. Дым – тот же туман, но его вижу не только я. Дым усиливает туман. Едкий запах перекрывает дыхание. Тьма внутри усиливается, она давит. Я хочу убежать, но куда? Тьма везде, она внутри меня. Официант принес еду. Желтые ногти с грязью под ними. Люди ходят в туалет и не моют руки. Он сходил по большому сегодня, это точно. А потом держал руками мою еду, обмакивал пальцы в мой суп. Вытирая ими свой зад до этого. Я смотрю на суп. В нем плавают личинки. Нет, это рис.

Хотя кто разберет? Часто в крупе оказываются черви, они засыхают и их не отличить. Постараюсь не думать об этом. Часть рис, часть личинки. Но я буду думать, что это рис. Позитивный настрой! Иначе сойдешь с ума. Я доел суп. Взялся за круассан. Он с шоколадом или это кал официанта? Нет, пустой. Это хорошо. Но похож на огромную личинку по форме. Он румяный, запеченный. Но я видел сырые. Они белые. Могут ли печь крупные личинки, выдавая их за тесто? Все может быть. Откусил. Нет, это точно тесто. Мясо на вкус другое. А мясо ли личинки? Почему мне знать? Ем круассан, пью кофе. Кофе черный. Он чернее тумана, но не чернее мглы. Ничто не чернее мглы. Разве что кал на ягодицах той старухи. Но это потому что он зловоннее. Цвет и глубина его – не всегда показатель яркости сего цвета. Запах, вкус – все влияет на цвет. Иногда я не могу отличить цвет от вкуса, запах от текстуры. Небо голубое, облака белые – это всем известно. Но я знаю, что слово «тоска» – серое, «ожидание» – сиреневое, «любовь» – розовое, «смерть» – черное, «вкус» – желтое, «свобода» – белое, «независимость» – голубое. Все ли белое – пушистое и бархатистое, как облака? Белое бывает гладким, как лист бумаги. Все ли серое тоскливое? Пожалуй, нет. Текстура бывает разная. Тоска гладкая, ожидание волнообразное, любовь мягкая, смерть черствая, вкус острый, свобода гладка, как тоска, и мягка, как любовь, независимость остра и тверда.

8 МАЯ

Я снова покинул свой дом. Люди любят парады. Они носят военную форму, одевают в нее своих детей. Люди любят смерть, кровь – они такие черные и красные, твердые и тягучие, идеально сочетающиеся. Я сижу в парке недалеко от дома. Вокруг довольные люди и праздничное настроение. Чем люди довольнее – тем больше проступают опарыши из их пор. Не думаю, что человек может быть доволен чем-то хорошим. Если он чему-то рад, то это точно что-то ужасное. Мимо прошла семья с детьми. У всех волдыри на лице. Чем больше на них смотришь – тем сильнее они проступают через кожу, раздуваются, краснеют и наливаются гноем. Думаю, что этот гной выходит из их душ, где его скапливается так много, что уже не хватает для него места. Язвами покрывается не только лицо, но и все их тело. На самом деле, эти язвы были там всегда, просто их иногда не видно под слоем толстой кожи. Но когда гной в них нарастает до предела, то язвы уже ничем не скрыть. Язвы есть даже у самых маленьких детей, ведь их с рождения воспитывают в гнойном обществе их разъетые язвами родители. Меня пугают люди, я не хочу находиться среди них, но куда податься? В лесу я не выживу. Я живу в своей квартире на пенсию, определенную мне психиатрической лечебницей. В дикой природе я не смогу прожить, не вставая целыми днями с кровати или

стога сена. У меня не хватит моральных сил собирать ягоды или растить овощи. Выходит, мне нужно это общество, значит я и сам покрыт его гноем. Тело начинает чесаться, я вижу, как сыпь проступает на коже рук.

19 МАЯ

Уже много дней не выхожу из квартиры. В голове то пустота, то мысли, давящие на череп изнутри. Иногда я не могу поймать в голове хоть какую-то мысль, как кошка безуспешно ловит мышь за хвост. Просто пустой звон в черепной коробке. Иногда, мыслей так много, что они давят на череп, рискуя взорвать его изнутри. Они меняются с такой скоростью, что суть уловить все так же трудно, но мучает невыносимая давящая масса их объема. Я чувствую вокруг темные фигуры. Они обступают меня, я не знаю кто они, но они желают мне зла. Даже в своем доме я не могу укрыться от людей.

24 МАЯ

Дорогой дневник. Смею признаться, что я не всегда был такой. Было время, когда я еще различал поверхностно людей, был членом социума, тумана тогда еще не было, лишь небольшая дымка. Почему поверхностно? Думаю, что по-другому их различать невозможно. Вряд ли люди обладают чертами глубже, чем поверхностные. Все их мысли, чувства, личность – все это лишь поверхностный слой, который налип на их пустое существование, стекая и проносясь мимо грязью и пылью, развевающейся по ветру. Общественная система, коллективное человечество, обдаёт этой грязью пустые души, лепя таким образом из людей членов общества. Не раз я видел, как какая-то зачаточная индивидуальность в молодом человеке или девушке гибнет, обрастая грязью общественных догм и постулатов. Как им жить, как думать, как себя вести. Что правильно и не правильно – все это становится универсальным у взрослых людей. Они становятся одинаковыми, так что лица их стираются вслед за их личностями. Тот, кто смотрит в глубину человека, не может видеть лица, если не может видеть души. Поэтому они так безлики, поэтому все так туманно. Я был молод и не смотрел вглубь. Я смотрел поверхностно и различал людей. Смешно сказать, даже официантов в кафе я когда-то чуть отличал. Тогда я и познакомился с ними обеими. Вначале была одна, потом

другая. Первая была утонченная светская девушка. Начитанная, интеллектуалка, как я думал тогда. С ней можно было поговорить о высоком. Она тонко чувствовала и переживала. Отношения с ней были вдохновляющими. Казалось, мы были выше других, выше массы. Мы читали и понимали то, что не читали и не понимали другие. Она так тонко чувствовала любовь! Была полна такой романтики прошлых веков! Она была также очень кокетлива, умела увлечь мужчину одним взглядом, одним жестом. Такие таланты негоже заставлять простаивать без дела. Она и не заставляла. Многие были завлечены в ее сети. Что же оказалось потом? Она не была так утонченна и возвышенна, как представил это мозг влюбленного мужчины. Мы сами придумываем образ девушки, который украшает нашу душу. Она была начитанна, этого у нее не отнять. Именно по этой причине она могла так легко играть свою роль. Утонченный романтический образ был похищен ею из книг Тургенева, Гюго, Бронте, Гете и Байрона. Ее возвышенные мысли были придуманы мужчинами прошлого, великими писателями. Все был один фарс. А внутри – пустота. Тогда я встретил вторую. Она была дикарка. Простушка из дикого народа. Ничего не читала, ничего не строила из себя. Страстна и откровенна. Предана и честна в любви. Первое время это был пожар. Потом он потух, а я перегорел. Говорить, слушая чужие мысли, с придуманной личностью было даже интереснее, чем молчать или развивать монологи с дикаркой. Чужие мысли кокетки хоть принадле-

жали умным мужчинам. Отсутствие мыслей дикарки было честно, но скучно. Имеется ли в мире лишь два этих типа женщин? Не думаю. А сколько есть типов мужчин? Точно больше. Но какое это имеет значение, если все они пусты внутри? С какой стати различать мне их лица, если нет различия в их душах? У одного там мазок, у другого здесь. Вся разница в них – различное сочетание размытых мазков, замещающих их лица. Мне нравится импрессионизм, но какое мне дело до этой фантазмагии отдельных мазков, вкупе создающих одно и то же? Не был бы я более болен, придавая этому излишнее значение? Первая моя любовь ходила в театр и оперу, не понимая сюжета, восхищаясь красивым нарядом актрис и декорациям на сцене. Вторая не смогла бы даже назвать ни одной постановки, честно предпочитая смотреть популярные шоу по телевизору, не имеющих сюжета вовсе. А я? Так ли я отличаюсь от них, восхищаясь их внешности, страсти, кокетству, влюбляясь в мыльные размытые и пустые образы их душ? Разве не обманывал я свои чувства декорациями и нарядами? Я посмотрел в зеркало. Раньше я видел свое лицо, я знал как я выгляжу. Теперь я видел лишь размытое пятно.

1 ИЮНЯ

Сегодня День защиты детей. Солнце светит, птички поют. Защиты от кого? От их родителей, которые их избивают или принуждают быть такими, как надо самим родителям? Вы породили на свет существо, которое теперь должно быть таким, как вы ему прикажете. Это ваш продукт, вам решать как он будет функционировать. Но с вами вступает в борьбу всевидящее мудрое Общество. У него тоже есть свои представления о том, каким быть вашему продукту. Как воспитать его, конечно же, в духе патриотизма. Ведь это будущие члены этого Общества – налогоплательщики, ученики, учителя... Большинство штампованных этим обществом людей не видят здесь проблемы. Им либо все равно чем станет их продукт, либо они полностью согласны с требованиями Общества, ведь проще принять его позицию и плыть по течению, чем думать самостоятельно, мыслить независимо и плыть против течения этого горного великого потока каловых масс, именуемого человеческой цивилизацией. Слово «цивилизация» весьма интересно. Что значит «цивилизация»? Это значит свод правил и обычаев, которые формируют сильнейшие. Самый сильный и могучий скажет, что то поле фильтрации, на котором он живет, и есть цивилизация. Именно его испражнения являются цивилизованными, именно его примитивная точка зрения прогрессивна. А что

такое прогресс, если не трансформация и дальнейший застой всех тех экскрементов, простите, устоев, что приняты в обществе сильнейших? Все знают с детства что такое хорошо, а что такое плохо. Жаль, что у разных «цивилизаций» эти принципы не совпадают в деталях, а иногда, и в принципиальных вопросах. В одной цивилизации жениться на девочке 8 лет – это норма, как и когда женщина слушается своего мужа. В другой это недопустимо, пусть несколько веков назад это и было для них такой же нормой. Кто из них прав, кто нет? Каждый прав и каждый не прав. Истина субъективна. Объективности не существует, если не веришь в единого бога, субъективное мнение которого является для тебя единственной объективной истиной. Бога тут можно заменить на любого фюрера или духовного лидера. Размытые личности, пребывающие всю жизнь в тумане, ищут чего-то четкого и находят его в самых абсурдных местах. Ведь неабсурдное не бывает четким. Я никогда не хотел детей. В древности детей не лелеяли, над ними не тряслись. Их воспринимали как маленьких взрослых, давали им курить и заставляли работать так же, как и других. Резко все поменялось и с детьми стали носиться. Я никогда не хотел носиться ни с кем, как и принуждать кого-то быть таким, как я. Был бы ребенок как я – я бы чувствовал свое насилие над ним и его фальшь. Был бы иным – я ненавидел бы его, как и всех безликих. Я не хочу ни о ком заботиться, брать на себя ответственность за кого-то. Я не верю, что человек способен взять

на себя ответственность хотя бы за самого себя. Если бы это было так, то общество было бы полно разных индивидуальностей, оно было бы разнородно, я видел бы разные черты на лицах окружающих. Но оно не такое. Где взять разнообразие? Последнее время модно поощрять разнообразие, инклюзивность. Чем отличается человек одной расы от другой? Своими плохими чертами? Или уголовной статьей, за которую его будут судить с большей вероятностью? Одни алчны и хитры, другие тупы и импульсивны. Нужный цвет в этой головоломке вставьте сами. Чем отличаются люди разного пола? Жестокостью от коварства? Черствостью от лицемерия? Вставьте сами нужные гениталии в это уравнение. Смени одни дурные качества на другие, замени запор на недержание – лучше тебе не будет. И мы не одни такие, о нет! Весь мир таков. Замени кошку собакой и ты заменишь неблагодарность и эгоизм лизоблюдством и рабской покорностью. Выбор у нас лишь между Сциллой и Харибдой. Так есть ли смысл жить в этом мире? За неимением другого... Может и да. Но стоит ли стараться? Не слишком ли серьезно мы относимся ко всему вокруг? Не стоит ли относиться ко всему легко и с юмором? Если бы не эта тяжесть от давящего тумана, приковывающая тебя к кровати...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.